

ГОЛОСА СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

УДК 821.161.1-1(Бальмонт К.)
ББК ШЗЗ(2Рос=Рус)6-4

ГСНТИ 17.81.31

Код ВАК 10.01.08

Ю. С. Подлубнова
Екатеринбург, Россия

УРАЛЬСКИЕ ГАСТРОЛИ К. Д. БАЛЬМОНТА (ПО МАТЕРИАЛАМ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЫ)¹

Аннотация. Исследование посвящено уральской части гастролей по России 1915–1916 гг. К. Д. Бальмонта. Для поэта, любившего путешествия, гастрольные туры явились уникальной возможностью открыть новые географические и культурные горизонты, проехав по всей стране — от Петербурга до Владивостока. Поэт, недавно вернувшийся в Россию из эмиграции, активно осваивает региональное пространство, привлекая самые разнообразные ассоциации и порождая тексты, в которых нередко моделируется образ места. Источниками исследования и воссоздания максимально достоверной картины гастролей стали переписка поэта с женой Е. А. Андреевой-Бальмонт, некоторые воспоминания современников, а также практически неизученная региональная пресса. Изучение источников не только уточняет маршруты поэта в 1915–1916 гг., но и позволяет увидеть и оценить его реакции — бытовые и художественные — на воспринимаемые им реалии. Кроме того, исследование представляет и обратную связь: отклики на выступления приезжей знаменитости, что дает возможность обозначить влияние как самого поэта, так и эстетики и практики модернизма в целом на художественный опыт российской провинции. Работа имеет историко-литературное и биографическое значение.

Ключевые слова: уральские гастроли; письма; уральская пресса; русская поэзия; русские поэты; поэтическое творчество; образ Урала.

Yu. S. Podlubnova
Ekaterinburg, Russia

THE URALS TOUR OF K. D. BALMONT (ON THE MATERIALS OF REGIONAL NEWSPAPERS)

Abstract. The article covers the Urals part of the big Russian tour of K. D. Balmont in 1915–1916. The poet loved to travel, and tours were a unique opportunity to open new geographical and cultural horizons, to cross the country from St. Petersburg to Vladivostok. K. D. Balmont returned to Russia from emigration and began to actively explore the regional space attracting different associations and generating texts which often modeled the image of the place. The research and the reconstruction of the most reliable picture of the tours are based on the correspondence of the poet with his wife E. A. Andreeva-Balmont, on some memoirs and also unexplored regional newspapers. The study of the sources does not only clarify the poet's routes in 1915–1916 but also allows the author to see and evaluate his everyday and artistic reactions to perceived realities. In addition, the study contains the feedback: the province's response to the public performances of the visiting celebrity. It makes possible to identify the influence of both the poet and the aesthetic position and practice of modernism in general on the artistic experience of the Russian province. The article has a historical, literary and biographical significance.

Keywords: The Urals tour; letters; the press of the Urals; Russian poetry; Russian poets; poetical creative activity; image of the Urals.

На Урал К. Д. Бальмонт приехал впервые осенью 1915 г. в рамках большого гастрольного тура по России, начавшегося в Вологде и доведшего поэта до Омска, где жил его брат Михаил.

Это было далеко не самое продолжительное путешествие К. Д. Бальмонта, с 1906 г. жившего в качестве политэмигранта в Париже и часто перемещавшегося по Европе. В 1909 г. поэт совершил поездку в Египет, а в 1912 г. предпринял 11-месячное кругосветное путешествие по маршруту: Париж–Лондон–Канарские острова–Кейптаун–Австралия–Новая Зеландия–группы островов Тонга, Табу, Самоа, Фиджи–снова Австралия–Новая Гвинея–Индонезия–Цейлон–Индия–Марсель [Куприяновский, Молчанова 2001]. Впечатления от путешествий были зафиксированы в поэтическом и эпистолярном наследии К. Д. Бальмонта. Кроме того, посещение Океании побудило его к составлению целого ряда заметок, где были совмещены впечатления

от поездки с устными преданиями и легендами коренных народностей региона. «Океания» вместе с теоретическим этюдом «Поэзия как волшебство» стала основным содержанием выступлений поэта в разных городах Российской империи в 1913–1917 гг.

В мае 1913 г., в рамках объявленной в связи с 300-летием дома Романовых амнистии, К. Д. Бальмонт вернулся в Россию. Тогда же начались его поездки по стране. Так, в марте-апреле 1914 г. К. Д. Бальмонт посетил Ростов-на-Дону, Минск, Киев, Одессу, Харьков, Тифлис, Баку, Ригу и др. города. Увлечшись Грузией и грузинским языком, поэт принялся за перевод «Витязя в тигровой шкуре» Ш. Руставели, о чем он также охотно рассказывал со сцены. В письме к этнографу и антропологу Д. Н. Анучину К. Д. Бальмонт признавался: «Я мечтаю о том, какое было бы счастье объехать всю Россию» [Цит. по: Куприяновский, Молчанова 2001: 280]. В 1915 г. он снова отправился в Грузию. А затем, осенью этого года, реализуя свою мечту, поехал в гастрольный тур в города Поволжья, Урала и Сибири. Маршрут тура был таков: Вологда–Ярославль–Нижний Новгород–Казань–Пенза–Саратов–Самара–

¹ Исследование подготовлено в рамках проекта РФФИ «На границе литературы и факта: языки самоописания в периодической печати Урала и Северного Приуралья XIX — первой трети XX века» № 16-04-00118 а.

Уфа–Челябинск–Пермь–Тюмень–Омск–Екатеринбург–Вятка–Петербург.

Большой российский тур был важен для К. Д. Бальмонта, стремящегося открыть новые географические и культурные пространства. В свою очередь, для регионов подобные гастроли также имели значение. Помимо того, что они способствовали распространению и образованию единого культурного пространства Российской империи, они дополняли, обновляли и делали достойным самой широкой публики региональный имажинариум, конгломерат локальных мифов, выявляли смыслы, во многом ключевые для идентичности регионов. «Посредством путешествия география как бы видит сама себя, описывает самое себя» [Замятин 2015: 69].

Поездка К. Д. Бальмонта по России была отмечена характерной для него сменой настроений. Так, выступлениями в Нижнем Новгороде и Ярославле поэт остался недоволен, в то время как Казань, Саратов и Самара произвели на него самое благоприятное впечатление [Куприяновский, Молчанова 2001: 307]. Попав после Самары в Уфу 9 ноября 1915 г., поэт пребывал в радостном волнении. Он признавался в письме жене: «...и рука моя не пишет, хотя я пью лишь вино любви, и это любовь душ, а не любовь лишь поцелуев, которых мало на моем пути, я их не очень кличу» [Андреева-Бальмонт 1997: 465]. Уфа напомнила К. Д. Бальмонту родную Шую, он встретил здесь своих давних знакомых.

Выступление поэта состоялось 9 ноября в зале Нового клуба в доме Паршиных. К. Д. Бальмонт прочитал лекцию «Поэзия как волшебство» и стихи из готовящейся книги «Ясень. Видение древа». Как сообщила газета «Уфимская жизнь», часть сбора от выступления поступила в распоряжение Общества славянского научного единения [Бальмонт в Уфу приехал].

Однако Уфа в сознании поэта ассоциировалась отнюдь не со славянством. Находясь в гостинице «Сибирская граница», он с воодушевлением писал жене о знакомстве с заведующим отделом мусульманской книги городской библиотеки, молодым татаринном Сюнчелеем, который подарил К. Д. Бальмонту выполненный им самим перевод стихотворений «Будем как Солнце», «Египет», «Где же я», «Ты здесь» на арабский язык. «Сеаидо Сюнчелей — какой красивый звук!» [Андреева-Бальмонт 1997: 465] — отозвался поэт после восклицаний о сыне Востока и Золотой Орде, возникших в качестве поэтической реакции на арабскую вязь.

О выступлении К. Д. Бальмонта в Уфе оставил воспоминания писатель Б. Четвериков, в 1915 г. — гимназист, начинающий поэт и журналист. Его рецензия происходящего в Новом клубе во многом показательна. К примеру, он признавался: «Я очень волновался. Меня охватило нетерпение поскорей увидеть своего кумира. Он мне представлялся неземным существом, сказочным красавцем» [Четвериков 2008: 62]. Однако даже восторженному молодому человеку при виде «рыжеватого мужчины в возрасте этак под пятьдесят» стало очевидно, что время символизма и его культурных героев закончилось. «Вероятно, Бальмонт и был таким обаятельным в годы

своего расцвета. Но годы, когда он был интересен и эффектен, минули безвозвратно. И теперь меня постигло горькое разочарование, когда на сцену вышел невзрачный, непредставительный субъект с острым подбородком и мелкими птичьими глазками. Сначала я даже подумал, что это не Бальмонт, а кто-то из местных, например, администратор театра, вышедший объявить о начале концерта. Нет, это был сам поэт» [Четвериков 2008: 62]. Реакция характерная, свидетельствующая об определенной культурной развитости провинциальной России, готовой принимать и чествовать литературных кумиров, но при том вполне способной и на критическую оценку.

История Б. Четверикова имела продолжение. Он познакомился с поэтом на квартире учителя В. И. Попова. Личное общение с К. Д. Бальмонтом оставило неизгладимое впечатление на молодого человека. Впоследствии он признавался: «А я ему еще и обязан: ведь это он научил меня прислушиваться к звучанию каждой буквы, вдумываться и понимать, как и из чего лепится художественное произведение. И что там ни говорите, а я целиком и полностью готов признать поэзию как волшебство. Да она и есть удивительное, счастливое, лучезарное волшебство» [Четвериков 2008: 63]. В 1917 г. Б. Д. Четвериков (1896–1981) поступил в Томский университет, в 1919 г. примкнул к Д. Д. Бурлюку в его футуристическом турне по Уралу и Сибири, в 1922 переехал в Петроград, где выступил как один из организаторов объединения писателей «Содружество» (в него входили Б. Лавренев, В. Шишков, А. Чапыгин, Вс. Рождественский и др.), был свидетелем блокады Ленинграда, после войны попал в ГУЛАГ, освободившись из заключения лишь в 1956 г. Б. Д. Четвериков вошел в советскую литературу с рядом поэтических и прозаических книг, оставил обширные воспоминания [Четвериков 2008: 50].

Следующее выступление в рамках тура К. Д. Бальмонта прошло в Челябинске, а затем поэт планировал прочитать лекции в Екатеринбурге. Однако, собираясь выступить в среднеуральском городе, он не озаботился получить надлежащего разрешения у властей, и поэтому К. Д. Бальмонту пришлось проехать с Южного Урала сразу в Пермь. Во время остановки поезда № 3 11 ноября на вокзале Екатеринбурга корреспонденту газеты «Зауральский край» удалось взять у поэта интервью. Он охотно делился своими впечатлениями о «чуткой и отзывчивой» молодежи, посещающей его концерты, и озвучил дальнейшие планы: «Из Перми <...> я проеду в Иркутск, буду читать лекции в попутных городах, а на обратном пути, в начале декабря, непременно остановлюсь в Екатеринбурге» [Г. 1915]². Здесь же, на вокзале, произошла неожиданная встреча К. Д. Бальмонта с революционером, ученым и поэтом Н. А. Морозовым (1854–1946), который также совершал гастроли по Уралу и выступал в Екатеринбурге с «научными поэмами» «В поисках философского камня» и «Современное воздухоплавание на фоне общественной жизни народов», иллюстрированными световыми карти-

² Здесь и далее газетные тексты приводятся в соответствии с современной орфографией и пунктуацией.

нами и личными впечатлениями от полетов. Корреспонденту, присутствовавшему при встрече, удалось зафиксировать диалог, произошедший около поезда: «← Тот самый Морозов! — воскликнул Бальмонт, пожимая руку Н. А.

– Тот самый. <...>

– Я вижу, что долговременное заключение прекрасно влияет на сохранение бодрости и энергии.

– Но вряд ли, — шутливо отвечает Н. А., — вы захотели бы таким способом сохранить свою бодрость» [Г. 1915]. В Пермь они поехали в одном вагоне.

12 и 13 ноября К. Д. Бальмонт прочитал лекции «Поэзия как волшебство» и «Океания», а также стихи из книги «Ясень — видение древа» в здании Пермского научно-промышленного музея.

Пермь произвела на К. Д. Бальмонта самое благоприятное впечатление и настроила на торжественный лад. В письме к Е. А. Андреевой-Бальмонт от 14 ноября он писал: «Катя, родная, сегодняшний день — фантазия. Вот где, среди снежных просторов, над широкой Камой, над равнинами, за которыми тянется на 15 верст сосновый бор, — и в торжественности своих решений — и в душевной взнесенности, — я один, царственно один». Поэт очень точно выявил смысловое доминирование реки в пермском пейзаже и протяженность соснового леса, придав онтологическое значение освоению уральского пространства. «Я бродил над застывшей рекой. <...> Я смотрел на янтарно-хризолитовые дали, где когда-то вот так бродили варяги. Я чувствовал, быть может впервые, все безмерное величие России, всю красоту ее, судьбинную, предназначенную» [Андреева-Бальмонт 1997: 465]. Освоение пространства сопровождалось геопозитической рефлексией: К. Д. Бальмонт соотнес Пермь с горными недрами и архаикой, в которой ведущая роль была отведена варяжскому присутствию на уральских землях. В Перми поэт словно бы попал в знакомую ему Скандинавию, как до этого в Уфе побывал в родной Шуге одновременно и на арабском Востоке.

Остались два четверостишия, занесенные К. Д. Бальмонтом в книгу Пермского научно-промышленного музея. Они также свидетельствуют о специфическом архаическом взгляде поэта, осмысляющего территорию в ее теллурическом потенциале, то есть как хранящую где-то в своих недрах полезные ископаемые и исторические артефакты.

Ваш мамонтовый бивень в пять аршин,

Со своим великолепнейшим извивом.

То знак, что человек есть властелин,

И в прошлом властелином был красивым [Из музея 1915].

Не случайно, разговор о пермском прошлом во втором четверостишии аранжируется мифом о Биармии, который историко-культурная традиция еще в XVIII в. приурочила к Прикамью, соотнеся его через теллурическую составляющую с аутентичным чудским мифом [Абашев 2008; Созина 2015].

Я был в Биармии Великой

И я нашел ее в пути,

Как ожидал, красиволикой,

Достойной в вечности цвести [Из музея 1915].

К. Д. Бальмонт провел знаковую контаминацию исторических топонимов Биармия и Пермь Великая, сделав акцент на величии самого момента пребывания в вечной Перми / Биармии. Путешествие поэта таким образом приобрело значение путешествия к истокам российской государственности, которая, согласно норманнской теории, по всей видимости, близкой К. Д. Бальмонту, зародилась тогда, когда на Русь были призваны варяги. Собственно отсюда и проговоренное в письме ощущение «судьбинной, предназначенной красоты России», возникшее именно в Прикамье.

Обратная рецепция — поэта Пермью — не была столь возвышенной. Пермская пресса показательно разделилась во мнениях. Если корреспонденты Б. Попов и Nemo, побывавшие на лекциях К. Д. Бальмонта, остались довольны лекциями и отозвались о них положительно [Попов 1915; Nemo 1915], то один из основателей Пермского университета, специалист по истории Древнего мира Г. Генкель разразился большой статьей, дезавуирующей пафос выступлений поэта.

Так, отметив, что приезд знаменитости стал для города сенсацией, а лекции собрали аншлаг, пермский критик приступил к детальному разбору увиденного и услышанного на вечере «Поэзия как волшебство». «И вот представьте себе господина старше средних лет, читающего взрослым людям такую пеструю по содержанию лекцию, читающего по книжке в высшей степени монотонно, без достаточной нюансировки отдельных положений, но с чрезвычайной аффектацией и несомненной экзальтированностью, лекцию о вещах, давным-давно известных каждому мало-мальски образованному человеку...» [Генкель 1915, 15 нояб.]. «Вот в том-то и беда, что мы тщетно стали бы искать у г. Бальмонта какого бы то ни было содержания — его-то у него и нет, и нет по очень простой причине: у г. Бальмонта нет достаточно широкого, глубокого, а, главное, систематического образования» [Генкель 1915, 15 нояб.]. Г. Генкель привели в раздражение «туман аллегорий, символов, высокопарных сравнений». «Все напыщенно, деланно, неестественно, фальшиво» [Генкель 1915, 15 нояб.]. При этом сентенции критика нередко носили откровенно дидактический характер: «Там, где есть манерность, нет места искренности. Неискреннее слово — зло, величайшее в мире зло, потому что тесно связано с фальшивым, обманным действием» [Генкель 1915, 15 нояб.]. Г. Генкель признавался, что опасается развращающего воздействия К. Д. Бальмонта на молодежь, и призывал не забывать о сложной политической ситуации, о том, что Россия вступила в войну, настаивал на необходимости отринуть декадентскую тоску и апатию. «А между тем, в переживаемое нами время более, чем когда-либо, нам необходим властный, сильный призыв к бодрой, жизнерадостной, энергичной деятельности, более, чем когда-нибудь, мы должны проникнуться оптимизмом и надеждами на светлое будущее...» [Генкель 1915, 15 нояб.]. Примечательно, что критик в своей статье также использовал эпитет великий по отношению к моменту

пребывания поэта в Перми, но вложил сюда прямо противоположный, иронический смысл.

Подобная рецепция выступления К. Д. Бальмонта явилась не только следствием ура-патриотических настроений, наполнивших страну с 1914 г., но и показателем определенного уровня культурного развития провинции, с ее зачастую передовыми газетами и создающими культурный слой университетами [см. также: Молчанова].

Как бы то ни было, К. Д. Бальмонт продолжил путешествие по Уралу и Сибири. Он не оставил идею покорения Екатеринбурга, отправив туда за разрешением от властей М. В. Долидзе, которую взял в поездку в качестве импресарио [Андреева-Бальмонт 1997: 466]. Однако Екатеринбург не торопился с разрешением. 15 ноября в 7 часов вечера поэт второй раз оказался проездом на екатеринбургском вокзале. Отсюда он выслал жене в Москву стихотворный экспромт:

Не могу с тобой расстаться,

Катерина Черноглаз.

Дважды здесь пришлось скитаться,

И приеду в третий раз.

Я мечусь вокруг Урала,

Но еще настанет день, —

И Сибирского опала

Свет блеснет: мой путь — в Тюмень... [Андреева-Бальмонт 1997: 466]

Кроме найденной формулы «мечусь вокруг Урала» и обещания приехать на Средний Урал в третий раз в экспромте содержится соотнесение города Екатерины и «черноглазой» Катерины, супруги поэта, в данный конкретный момент времени такой же недоступной, как и город, не принявший К. Д. Бальмонта. Эта ассоциативная связь города с женой, заданная через имя, снова возникла после выступления поэта в Екатеринбурге, в самом финале гастролей. 30 ноября из поезда, подъезжающего к Вятке, он написал: «Милая, этот вечер, околдовавший жителей и жительниц уральского замка Катерины, я устроил, мысленно, в честь тебя...» [Андреева-Бальмонт 1997: 469] Образ замка, порожденный европоцентричным сознанием К. Д. Бальмонта, с одной стороны, явился своеобразным комплиментом даме сердца, и вписал происходящее в контекст куртуазной традиции. С другой, напомнил о недостижимости города, неудачных попытках его посещения. В этом смысле поэтический образ замка в применении к уральскому городу оказался созвучным образу, образу города-крепости, через который позиционировали Екатеринбург чуть ли не с момента его основания и который в 1888 г. ярко прописал Д. Н. Мамин-Сибиряк в очерке «Город Екатеринбург» [Мамин-Сибиряк 1951]. Гастролирующий поэт, настроенный на освоение / присвоение пространства, снова увидел основное: моделируемое воображаемое, определяющее сценарии восприятия реальности в данном конкретном месте.

Из Тюмени К. Д. Бальмонт написал два письма, общей тональностью которых стало спокойствие. 16 ноября: «Катя милая, получил здесь открытку от тебя. Я услаждаюсь безграничной тишиной и полным уединением. Ты можешь мне позавидовать.

Здесь люди не беспокоят. И единственные звуки, которые слышу, тиканье стенных часов в коридоре (такой домашний звук) и время от времени хоровое пение солдат. Они много поют во всех этих снежных городах. Пойду сейчас опустить письма и буду чувствовать себя наедине с звездами и Ночью. Целую тебя, родная. Твой К.» [Андреева-Бальмонт 1997: 467]. 18 ноября: «Катя милая, Нюша, верно, уже сообщила из вчерашнего моего письма о разных переменах в сроках и планах. Я еще в утомительной неизвестности — жду категорической депешы от Долидзе, может быть, что-нибудь из потерянных выступлений наверстаем. Пока же я решил 22-го начать обратный путь в столицы и не думаю, чтоб это изменилось. Тюмень — глухой городишко. Однако и здесь собрались слушатели и нашлись друзья, знающие меня по Москве и Парижу. Провел очаровательный вечер в изящном доме Колокольниковой и чувствовал себя чуть не в Пасси. Ведь вот никогда не знаешь, что где найдешь. Сегодня “Океания”, которая везде завоевывает безошибочно. Обнимаю. Шлю приветы. Твой К.» [Андреева-Бальмонт 1997: 467]. Тюмень оказалась тихой, глухой и доброжелательной провинцией, населенной друзьями, — и автор этих строк уже перенесся мыслями в Пасси.

О теплом приеме К. Д. Бальмонта в Тюмени — поэт выступал в театре А. И. Текутьева — пишет исследователь В. Жерновиков: «Как же тюменцы восприняли столичную знаменитость? Исключительно тепло». «Живой интерес вызвал поэт у тюменских гимназистов, семинаристов, молодых рабочих...» (вот оно влияние на молодежь, столь настоявшее пермского критика). В этой же статье приводится анекдотический эпизод, который якобы вспоминали горожане после выступлений поэта. Тюменские афиши, анонсирующие лекцию К. Д. Бальмонта, были приклеены на мучной клей, оказавшийся лакомством для местных коз. После поездки К. Д. Бальмонт рассказывал друзьям: «Меня знает вся Россия, а в Тюмени даже козы — отъявленные бальмонтистки!» [Жерновиков 1987].

Есть и другие свидетельства реакции поэта на Тюмень. Так, екатеринбургскому корреспонденту С. В. (С. Виноградову), побывавшему в «Американской гостинице», где остановился поэт 24–26 ноября, К. Д. Бальмонт признался, что Тюмень показалась ему населенной «какими-то троглодитами» и рассказал историю про одного тюменского фельетониста, решившего написать статью и спросившего, кто есть К. Д. Бальмонт — футурист, символист или декадент? Выяснилось, что фельетонист даже не читал его стихов [С. В. 1915, 28 нояб.]. Таким образом, «глухой городишко», в сознании поэта, решившегося на откровенность, оказался не только тихим, но и оставшим. Не идиллической Сибирью, но чеховской провинцией, где, ко всему прочему, К. Д. Бальмонт зафиксировал усталость от своего продолжительного российского тура. По крайней мере, из тюменских писем ясно, что он ждал вестей от М. В. Долидзе из Екатеринбурга, планируя начать обратный путь сразу после Омска.

Похоже, что именно Екатеринбург стал самым желанным городом урало-сибирской части тура

К. Д. Бальмонта. Добравшись до Омска, повидавшись с братом и не дождавшись разрешения выступать в Томске, Красноярске и Иркутске, поэт повернул обратно. Еще находясь в дороге, в вагоне близ станции Богданович, он уведомил жену: «Через два часа я отъезжаю в твой город, который <...> приветствует меня, прежде чем я в него приехал. Прилагаю заметки из двух екатеринбургских газет. Сегодня я читаю там “Океанию”, послезавтра [26-го] “Поэзию как Волшебство”» [Андреева-Бальмонт 1997: 468].

24 и 26 ноября К. Д. Бальмонт выступал в зале Коммерческого собрания и активно знакомился с городом, обнаружив, что из тюменского Пасса переехал в Париж. 26 ноября: «Катя родная, лишь поцелуй. Падаю от усталости, нужно отдохнуть перед выступлением. С 12 ч. у. до 4-х ч. в. был среди драгоценных камней и приобрел в мудро-исключительной возможности дивные подарочки тебе, Мушке, Нинике и всем милым. Здесь есть мои поклонники, уж 20 лет меня чтущие. Директор Художественно-промышленной школы, Анастасьев, бывший приятель Синцова, который знает меня с Парижа 1897 г.! Вот он наш, мой и твой, истинно твой и мой Париж!» [Андреева-Бальмонт 1997: 469].

Своими итоговыми впечатлениями от Екатеринбург К. Д. Бальмонт образно поделился в письме, посланном жене на обратном пути, через несколько дней — 30 ноября: «Я нашел в Екатеринбурге мало-подготовленную аудиторию. В 1-й вечер я растапливал льды, во 2-й они растаяли, в 3-й, устроенный мною самим, была цветущая весна. Этот 3-й вечер был зерном того, что я намерен устроить в Питере и в Москве. Без какой-либо подготовки и утомленный предыдущими двумя ночами — уснул часа в 3–4, проснулся в 8, — я говорил в прозе, импровизации о связи Солнца и Луны с теми или иными, или, вернее, с одними и совсем разными другими, ликами чувств, мыслей и настроений. Читал страницы “Будем как Солнце”, “Ясеня” и других книг. Построил воздушный мост от Луны к Смерти. Нарисовал два лика отношения к Смерти, тоскующее “Камыши”, “Лебедь” и пламенно-торжествующее “Гимн к Огню”. Спутал волшебю все величины рассуждения, введя в нить говорения слово Любовь, и вызвал взрыв восторга, завершив говорение страстно-взволнованным чтением поэмы “С Морского дна”. Передо мной, в 1-м ряду, сидел высокий старик, военный врач, со своей женой. Когда я читал о том, как Русалка ослепла, она вся задрожала от внутреннего рыдания и, уронив голову на плечо к своему мужу, плакала до конца. Вот где и вот когда я поистине почувствовал, что старость бывает прекраснее юности» [Андреева-Бальмонт 1997: 469].

Однако, если верить газетным отчетам, поездкой в Екатеринбург К. Д. Бальмонт остался не вполне доволен. Корреспонденту «Уральской жизни» он признался, что город произвел впечатление «сонного» и «отставшего в умственном отношении на целую четверть века по сравнению с жизнью столицы» [С. В. 1915, 28 нояб.]. Местная публика оказалась некультурной: многие посчитали его футуристом, а другие не поняли его лекций или вообще не знали его имени. Более всего поэта обидели пусто-

вавшие в зале Коммерческого собрания первые ряды кресел. Высокая стоимость билета, 3 руб., по мнению К. Д. Бальмонта, не могла быть оправданной, поскольку, например, в Шуе и Иваново-Вознесенске билеты на первые ряды стоили 25 руб. и все были раскуплены представителями «торгового и промышленного класса».

Отзывы в уездной екатеринбургской прессе [С. В. 1915, 26 нояб.; С. В. 1915, 29 нояб.; Смуров 1915, 26 нояб.; Смуров 1915, 28 нояб.] были замечены в губернской Перми и породили полемику. Так, на сожаление поэта о наличии свободных мест откликнулся корреспондент «Пермских губернских ведомостей» под псевдонимом «Екатеринбуржец», который заметил, что «люди мало-мальски занятые, обжегшись в свободную минуту чтением его [Бальмонта] “произведений”, конечно, не рискнут целым вечером на слушание всякой околесицы...» [Екатеринбуржец 1915]. При этом К. Д. Бальмонт не обратил внимания, что в городе нет водопровода, канализации, что мостовые отвратительны, что электричество тусклое и мигает. Саму лекцию столичной знаменитости корреспондент назвал скучной, а время, потраченное на нее, потерянным. Пермский критик Г. Генкель также не оставил без внимания публикаторскую активность бальмониста С. Виноградова в «Уральской жизни», повторив основные тезисы своей статьи: «Только массовым гипнозом, страшно неврастеничностью, издерганностью и извращенностью можно объяснить прискорбный факт, что в XX веке, в момент титанической мировой войны, находятся субъекты обоего пола, преклоняющиеся перед всем, что бы ни сказал и ни сделал этот поэт» [Генкель 1915, 2 дек.].

Что характерно, приезд К. Д. Бальмонта на Урал породил и поэтические отзывы. Так, екатеринбургская газета «Зауральский край» уже 29 ноября опубликовала два стихотворения автора, укрывшегося под псевдонимом «Волк», «Бальмонту» и «Поэзия как волшебство». Оба — подражательные, демонстрирующие восхищение приехавшим поэтом:

В искрометном творчестве человек один.

Жизнь — его желание, воля — господин...

Надо мною светится звездный небосклон,

В глубине незабываемый вечности закон —

Красотой оправданы и душа и свет...

Мы друг друга поняли? Брат ли мне поэт?

[Волк 1915]

Через несколько дней эта же газета опубликовала другой стихотворный фельетон, пародический.

«Я пришел, я пришел»

К вам в Коммерческий клуб!

Обыватель ваш скуп,

Обыватель ваш туп,

Я на север ваш зол.

Отчего пустота?

Есть пустые места

Даже в первых рядах... [Никто-не 1915]³

³ Тематическая корреляция этого текста, подписанного псевдонимом «Никто-не», с корреспонденцией «Екатеринбуржца» в «Пермских губернских ведомостях» наводит на мысль, что, возможно, эти тексты были напи-

Общая бурная и по своим содержательным характеристикам неоднозначная реакция региональной интеллигенции на выступления К. Д. Бальмонта свидетельствует о том, что его приезд всколыхнул культурную жизнь уральских городов, выявил неподдельный интерес к фигуре самого поэта и к поэзии в целом, показал, насколько значимым являлся художественный опыт символизма для провинции, не имевшей возможности полноценно участвовать в магистральных культурных процессах Серебряного века.

Для самого К. Д. Бальмонта поездка, без сомнения, стала открытием глубинной России. И хотя после Перми поэт, судя по его эпистолярному наследию, не переживал каких-либо потрясений, опыт данного путешествия он рассматривал как ценный. Уже 6 декабря в Петербурге К. Д. Бальмонт составил новый план гастролей по России, в том числе по Сибири [Андреева-Бальмонт 1997: 470]. «Сибирь должна быть увидена мною целиком, это будет настоящая новая страница моей жизни» [Андреева-Бальмонт 1997: 477], — признавался он жене.

Второй сибирский тур К. Д. Бальмонта также пролегал через Урал. Так, 28 февраля 1916 г. он прибыл в Харьков, где прошла «Неделя Бальмонта», а дальше, через города Малороссии и Тулу отправился до Владивостока, откуда поехал в Японию, — весь тур занял 4 месяца. 11 марта, подъезжая к Уфимской губернии, он написал жене: «Катя, милая, светит яркое зимнее солнце, и из окон все время сияют пространства чистого, незапятнанного снега. С каждым поворотом колеса я уезжаю куда-то очень далеко, на тысячи верст от вас» [Андреева-Бальмонт 1997: 477]. Снова перед поэтом открывались чистые страницы пространства российских регионов, которые он заполнял опытом путешествия и художественной рефлексии.

13 марта К. Д. Бальмонт выступил в Челябинске. «Я писал вчера Мушке, как все скоропалительно я здесь устроил. В точности я сам устроил, а жена Меклера лишь помогала мне. И зала будет полная. Весь городок Челябинск в некотором волнении. А я? Я вижу каких-то людей, но больше с книгами» [Андреева-Бальмонт 1997: 478]. Выступление состоялось в зале Челябинской женской гимназии, поэт прочел лекцию «Лики женщины в поэзии и жизни».

Уральские исследователи Е. В. Боже и В. С. Боже, изучившие отзывы в местной прессе, отмечают, что публики в зале было много, особенно молодежи, поэт встретил самый теплый прием [Боже 2014: 9–10]. Но и в «городишке» Челябинске нашелся литератор, который оценил поэта довольно амбивалентно. На сей раз это был А. Г. Туркин, опубликовавший корреспонденцию в газете «Голос Приуралья». Писатель рассказал о личной встрече с К. Д. Бальмонтом, нарисовав яркий, солнечный портрет большого ребенка, которому под стать только цветы. Однако сама лекция отнюдь не очаровала. «Может, там, в глубинах столиц, эта лекция встретила живые, колоритные отклики. Может,

найдутся и провинциальные города, где лекция о женщинах будет понята глубоко и нежно <...> В общем, в зале не создалось настроения, не было заметно волнующего и теплого» [А. Т. 1916]. И далее: «Надо мысли о строительстве жизни, мысли не красочные, но определенные, зовущие к делу, к работе, которая так неодолимо нужна...» [А. Т. 1916] По сути, на Южном Урале повторилось то, что и везде: провинция восхищалась поэтом и одновременно ощущала его несоответствие с военным временем.

Собственно уральской рецепции в опубликованных письмах поэта 1916 г. мы не найдем — из них не составит труда узнать лишь то, что и Сибирь К. Д. Бальмонту не была по нраву: «Сплошное колесо, повторность впечатлений, скука томительных переездов, небольшое и большое разочарование в Сибири (проклятая страна, тупые люди)...» [Андреева-Бальмонт 1997: 479].

Однако Урал появился в жизни поэта еще раз, хотя и в другом качестве. В мае 1917 г. Е. А. Андреева-Бальмонт вместе с дочерью и подругой О. Н. Анненковой отправились отдохнуть на озеро Тургояк под Миассом. К. Д. Бальмонт собирался к ним присоединиться. Он писал: «Я рад, за тебя. Как бы ни было там угрюмо, в этом звучащем железно-черном Тургояке (Туранцы! Одна из мистических Туле!, здесь в жаркой и пыльной Москве, с ее сменяющимися защитниками отечества и торжеством глупых харь — гораздо хуже...» (5 июня 1917 г.) [Андреева-Бальмонт 1997: 407]. Образ Туле — название самого северного острова, который удалось посетить Пифею — снова отсылает к скандинавской, сугубо северной составляющей восприятия поэтом Урала, что подчеркивает мифологизм его мышления. В действительности, уральские озеро и поселок находятся на одной широте с Москвой и даже чуть южнее. А поэтизм железно-черный Тургояк, несмотря на мифологические коннотации, напоминает, что изначально это было «поселение золотодобытчиков и углежогов» [Горбунов 2002: 15] — характерные для региона профессии.

Ассоциация с островом Туле, однако, оказалась по-своему провидческой. Как пишет Е. А. Андреева-Бальмонт: «Ехали мы на Урал на три летних месяца, а пришлось остаться там более трех лет из-за гражданской войны, отрезавшей нас от Москвы» [Андреева-Бальмонт 1997: 407]. Семья поэта оказалась на своеобразном острове посреди войны.

В течение трех лет поэт писал письма и строил планы приезда на Урал, где в материальном отношении жилось лучше, однако на Тургояк или в Миасс он так и не попал. Жизнь распорядилась иначе: в 1920 г. он уехал за границу с другой женой и другой дочерью.

Зимой 1917 г. дочь К. Д. Бальмонта и Е. А. Андреевой-Бальмонт Нина собралась замуж за молодого художника Л. А. Бруни. В мае 1919 г. они обвенчались в Миассе, откуда летом эвакуировались в Сибирь. Сама Е. А. Андреева-Бальмонт вернулась в Москву только в 1920 г.

Страницы жизни семьи К. Д. Бальмонта в Миассе не раз оказывались в центре внимания исследователей [Гальцева 1993; Федорищев 1993; Горбунов 2002], однако до сих пор подробностей известно не-

саны одним человеком: поэтом и журналистом В. П. Чеккиным, публиковавшимся в уральской прессе под множеством псевдонимов, в том числе «Никто-не». [См.: Екатеринбург литературный 2016: 406–407].

много. «Где жила и чем занималась в Миассе и Тургояке, Екатерина Алексеевна нам не сообщает. Не приводит и своих писем к Бальмонту — только его» [Горбунов 2002: 15]. Возможно, это хорошая тема для отдельного исследования, но отношения к рецепции Урала К. Д. Бальмонтом она, скорее всего, не имеет.

ЛИТЕРАТУРА

- А. Т. Цветы и будни. О лекции К. Д. Бальмонта // Голос Приуралья. — 1916. — 17 марта.
- Абашев В. В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. — Пермь, 2008.
- Андреева-Бальмонт Е. А. Воспоминания. — М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1997.
- Бальмонт в Уфу приехал... [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://ufa-gid.com/ocherki/balmont-v-ufu-priekhal.html>.
- Боже Е. В., Боже В. С. Говорят, что здесь бывали... Знаменитости в Челябинске. — Челябинск: Изд-во Игоря Розина, 2014.
- Вolk. Бальмонту // Зауральский край. — 1915. — 29 нояб.
- Г. К. П. Бальмонт в Екатеринбурге // Зауральский край. — 1915. — 13 нояб.
- Гальцева Л. П. К. Д. Бальмонт и Урал // Города Урала в контексте русской культуры. — Челябинск, 1993. — С. 59–60.
- Генкель Г. Маленькое возражение. Посвящается бальмонисткам и бальмонистам // Пермские губернские ведомости. — 1915. — 2 дек.
- Генкель Г. Несколько мыслей по поводу лекций К. Д. Бальмонта // Пермские губернские ведомости. — 1915. — 15 нояб.
- Горбунов Ю. Бальмонт: миасские страницы // Уральский следопыт. — 2002. — № 4. — С. 13–18.
- Екатеринбург литературный: энциклопедический словарь. — Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2016. — С. 406–407.
- Екатеринбургжец. Екатеринбургские письма // Пермские губернские ведомости. — 1915. — 1 дек.
- Из музея // Пермская жизнь. — 1915. — 20 нояб.
- Жерновников В. Бальмонт и... козы // Литературная Россия. — 1987. — 12 июня.
- Замятин Д. Н. Путешествие: пространство, образ, реальность // Лабиринт. — 2015. — № 5/6. — С. 64–78.
- Куприяновский П. В., Молчанова Н. А. Поэт Константин Бальмонт. Биография. Творчество. Судьба. — Иваново: Изд-во «Иваново», 2001.
- Мамин-Сибиряк Д. Н. Собр. соч.: в 12 т. Т. 12. — Свердловск, 1951.
- Молчанова Н. А. Рецепция личности и творчества К. Д. Бальмонта в воронежской периодической печати 1917 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://balmontoved.ru/knigi/297-na-molchanova.html>.
- Никто-не. Шаржи-пародии // Зауральский край. — 1915. — 2 дек.
- Попов Б. Первая лекция // Пермская жизнь. — 1915. — 19 нояб.
- С. В. Волшебство поэзии: (Вторая лекция К. Д. Бальмонта) // Уральская жизнь. — 1915. — 29 нояб.
- С. В. Лекция К. Д. Бальмонта // Уральская жизнь. — 1915. — 26 нояб.
- С. В. У К. Д. Бальмонта // Уральская жизнь. — 1915. — 28 нояб.
- Смуrow Н. Лекция Бальмонта // Зауральский край. — 1915. — 26 нояб.
- Смуrow Н. Лекция Бальмонта // Зауральский край. — 1915. — 28 нояб.
- Созина Е. К. Сакральные гетеротопии Урала: от Биармии до Аркаима // Гетеротопии: миры, границы, по-

вестование. — Вильнюс: Изд-во Вильнюс. ун-та, 2015. — С. 29–41.

Федорищев В. Бальмонт, Бруни и... Миасс // Уральский следопыт. — 1993. — № 10. — С. 4–5.

Четвериков Б. Благословенная Уфа // Бельские просторы. — 2008. — № 9. — С. 50–64.

Neto. Вторая лекция // Пермская жизнь. — 1915. — 19 нояб.

REFERENCES

- A. T. Tsvety i budni. O leksii K. D. Bal'monta // Golos Priural'ya. — 1916. — 17 marta.
- Abashev V. V. Perm' kak tekst. Perm' v russkoy kul'ture i literature KhKh veka. — Perm', 2008.
- Andreeva-Bal'mont E. A. Vospominaniya. — M.: Izd-vo im. Sabashnikovykh, 1997.
- Bal'mont v Ufu priekhal... [Elektronnyy resurs] — Rezhim dostupa: <http://ufa-gid.com/ocherki/balmont-v-ufu-priekhal.html>.
- Bozhe E. V., Bozhe V. S. Govoryat, chto zdes' byvali... Znamenitosti v Chelyabinske. — Chelyabinsk: Izd-vo Igorya Rozina, 2014.
- Volk. Bal'montu // Zaural'skiy kray. — 1915. — 29 noyab.
- G. K. P. Bal'mont v Ekaterinburge // Zaural'skiy kray. — 1915. — 13 noyab.
- Gal'tseva L. P. K. D. Bal'mont i Ural // Goroda Urala v kontekste russkoy kul'tury. — Chelyabinsk, 1993. — S. 59–60.
- Genkel' G. Malen'koe vozrazhenie. Posvyashchaetsya bal'monistkam i bal'monistam // Permskie gubernskie vedomosti. — 1915. — 2 dek.
- Genkel' G. Neskol'ko mysley po povodu leksiy K. D. Bal'monta // Permskie gubernskie vedomosti. — 1915. — 15 noyab.
- Gorbunov Yu. Bal'mont: miasskie stranitsy // Ural'skiy sledopyt. — 2002. — № 4. — S. 13–18.
- Ekaterinburg literaturnyy: entsiklopedicheskiy slovar'. — Ekaterinburg: Kabinetnyy uchenyy, 2016. — S. 406–407.
- Ekaterinburzhets. Ekaterinburgskie pis'ma // Permskie gubernskie vedomosti. — 1915. — 1 dek.
- Iz muzeya // Permskaya zhizn'. — 1915. — 20 noyab.
- Zhernovnikov V. Bal'mont i... kozy // Literaturnaya Rossiya. — 1987. — 12 iyunya.
- Zamyatin D. N. Puteshestvie: prostranstvo, obraz, real'nost' // Labirint. — 2015. — № 5/6. — S. 64–78.
- Kupriyanovskiy P. V., Molchanova N. A. Poet Konstantin Bal'mont. Biografiya. Tvorchestvo. Sud'ba. — Ivanovo: Izd-vo «Ivanovo», 2001.
- Mamin-Sibiryak D. N. Sobr. soch.: v 12 t. T. 12. — Sverdlovsk, 1951.
- Molchanova N. A. Retseptsiya lichnosti i tvorchestva K. D. Bal'monta v voronezhskoy periodicheskoy pechati 1917 goda [Elektronnyy resurs]. — Rezhim dostupa: <http://balmontoved.ru/knigi/297-na-molchanova.html>.
- Nikto-ne. Sharzhi-parodii // Zaural'skiy kray. — 1915. — 2 dek.
- Popov B. Pervaya leksiya // Permskaya zhizn'. — 1915. — 19 noyab.
- S. V. Volshebstvo poezii: (Vtoraya leksiya K. D. Bal'monta) // Ural'skaya zhizn'. — 1915. — 29 noyab.
- S. V. Leksiya K. D. Bal'monta // Ural'skaya zhizn'. — 1915. — 26 noyab.
- S. V. U K. D. Bal'monta // Ural'skaya zhizn'. — 1915. — 28 noyab.
- Smurov N. Leksiya Bal'monta // Zaural'skiy kray. — 1915. — 26 noyab.
- Smurov N. Leksiya Bal'monta // Zaural'skiy kray. — 1915. — 28 noyab.
- Sozina E. K. Sakral'nye geterotopii Urala: ot Biarmii do Arkaima // Geterotopii: miry, granitsy, po-vestvovanie. — Vil'nyus: Izd-vo Vil'nyus. un-ta, 2015. — S. 29–41.

Fedorishchev V. Bal'mont, Bruni i... Miass // Ural'skiy sledopyt. — 1993. — № 10. — S. 4–5.

Chetverikov B. Blagoslovennaya Ufa // Bel'skie prostory. — 2008. — № 9. — S. 50–64.

Nemo. Vtoraya lektsiya // Permskaya zhizn'. — 1915. — 19 noyab.

Данные об авторе

Юлия Сергеевна Подлубнова — кандидат филологических наук, доцент, научный сотрудник сектора истории литературы, Институт истории и археологии УрО РАН; заведующий музеем «Литературная жизнь Урала XX века» МБУК «Объединенный музей писателей Урала»; доцент кафедры издательского дела, Уральский федеральный университет им. Первого президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург).

Адрес: 620000, Россия, г. Екатеринбург, ул. Ленина, 51.

E-mail: tristia@yandex.ru.

About the author

Yuliya Sergeevna Podlubnova, Candidate of Philology, Associate Professor, Researcher of the Section of History of Literature, Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; Director of the Museum «Literary Life of the Urals in the 20th Century» of the «United Museum of the Urals writers»; Associate Professor of Department of Publishing, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg).